

Н. Бржеский

**Недоимочность и круговая
порука сельских обществ**

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 304
ББК 60.5

Н. Бржеский

Недоимочность и круговая порука сельских обществ / Н. Бржеский – М.: Книга по Требованию, 2011. – 436 с.

ISBN 978-5-4241-6866-6

Историко-критический обзор действующего законодательства, в связи с практикой крестьянского податного дела.

ISBN 978-5-4241-6866-6

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Одною изъ наиболѣе характерныхъ особенностей нашего пореформеннаго крестьянскаго дѣла является необычайное развитіе податной задолженности сельскихъ обществъ. Обслѣдованіемъ, произведеннымъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ, установлено, что недоимокъ по казеннымъ, земскимъ и мірскимъ окладнымъ сборамъ накопилось на сельскихъ обществахъ, ко второй половинѣ 1893 года, свыше 118 милл. руб.; на пространствѣ многихъ губерній въ недоимщикахъ оказалось почти сплошь все крестьянское населеніе. Неурожайные 1891 и 1892 гг. усилили податную задолженность сельскихъ обществъ, но и до наступленія этихъ трудныхъ годовъ сумма недоимокъ была уже весьма значительна, составляя къ 1 января 1891 г. по казеннымъ окладнымъ сборамъ свыше 51 милл. рублей.

Вообще если прослѣдить движеніе казенныхъ окладныхъ сборовъ по пятилѣтнимъ періодамъ, начиная съ года освобожденія крестьянъ и до настоящаго времени, то окажется, что несмотря на различіе въ хозяйственныхъ условіяхъ отдѣльныхъ пятилѣтій, податная задолженность сельскихъ обществъ росла безостановочно и — что достойно особеннаго вниманія — чѣмъ меньше становился окладъ казенныхъ сборовъ, тѣмъ неудовлетворительнѣе шло поступленіе ихъ въ казну, тѣмъ значительнѣе становились недоимки. Если бы въ ростѣ податной задолженности сельскихъ обществъ видѣть доказательство идущаго соотвѣтственно такому росту упадка народнаго благосостоянія, то слѣдуетъ придти къ довольно неожиданному заключенію, будто пониженіе выкупныхъ платежей, отмѣна подушной по-

дати и соянаго налога, а равно сложеніе съ крестьянъ много-милліонныхъ недоимокъ по манифестамъ 1880 и 1883 гг., — всѣ эти благодѣтельныя мѣры первой половины 80-хъ годовъ не привели ни къ чему другому, какъ къ ослабленію платежныхъ силъ сельскаго населенія, такъ какъ оно во второй половинѣ 80-хъ годовъ стало еще менѣе исправнымъ въ отбываніи повинностей, чѣмъ было въ эпоху обременительныхъ платежей. Дѣйствительно, окладъ казенныхъ сборовъ со всѣхъ разрядовъ сельскихъ сословій понизился съ 126,6 милл. руб. въ пятилѣтіе 1881—1885 гг. до 103,8 милл. руб. въ пятилѣтіе 1886—1890 гг., а поступленіе за тѣ же періоды сократилось съ 126,6 милл. руб. до 102,6 милл. руб.; сообразно съ этимъ средняя годовая сумма недоимокъ по окладнымъ казеннымъ сборамъ повысилась съ 40,4 милл. руб. въ пятилѣтіе 1881—1885 гг. до 43,5 милл. руб. во второй половинѣ 80-хъ годовъ, ознаменовавшейся исключительно благопріятными въ хозяйственномъ отношеніи 1888 и 1889 годами.

Если, что представляется вполне доказаннымъ, крестьянскія недоимки накопляются безотносительно и къ хозяйственнымъ условіямъ отдѣльныхъ платежныхъ единицъ, и къ податной тяготѣ, которая теперь отнюдь не сильнѣе, чѣмъ это было въ эпоху крѣпостнаго права, когда недоимки составляли лишь нѣсколько болѣе 2% оклада, то становится очевиднымъ, что существуетъ нѣкая общая причина, обуславливающая у насъ непрерывный ростъ податной задолженности сельскихъ обществъ и явившаяся вмѣстѣ съ крестьянскою реформою. Такою общею причиною слѣдуетъ признать несовершенство узаконеній, которыми опредѣляются какъ вообще постановка податнаго дѣла въ сельскихъ обществахъ, такъ равно условія и порядокъ взысканія недоимокъ; узаконенія эти, насколько они касаются податной дѣятельности сельскихъ обществъ и должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія, введены въ жизнь положеніями 19 февраля 1861 г. и остались до настоящаго времени въ силѣ безъ существенныхъ измѣненій.

Разсмотрѣніе сложнаго и труднаго вопроса, въ какой мѣрѣ развитіе и современное положеніе недоимочности сельскихъ обществъ обуславливается именно несовершенствомъ узаконеній о взиманіи съ крестьянъ окладныхъ сборовъ и взысканіи не-

III

доимокъ, составляетъ предметъ настоящаго изслѣдованія, въ которомъ вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлана попытка выяснить историческія условія возникновенія и введенія въ наше податное законодательство начала круговой поруки крестьянъ за недоимки. Свѣдѣнія о современномъ положеніи крестьянскаго податнаго дѣла извлечены частью изъ трудовъ комиссіи по пересмотру узаконеній о взиманіи окладныхъ сборовъ, учрежденной въ 1893 г. при министерствѣ финансовъ подъ предѣтельствомъ А. А. Рихтера, а равно изъ дѣлъ департамента окладныхъ сборовъ; частью же собраны мною лично, лѣтомъ 1896 года, во время поѣздки, совершенной по порученію Г. Министра Финансовъ Статсъ-Секретаря С. Ю. Витте въ нѣкоторыя наиболѣе недоимочныя губерніи для ознакомленія съ дѣятельностью податныхъ инспекторовъ по наблюденію за поступленіемъ въ казну окладныхъ съ крестьянъ сборовъ.

Н. В.

Декабрь, 1896 г.

ГЛАВА I.

Община и подать въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

Возникновеніе русской сельской общины относится несомнѣнно къ древнѣйшимъ временамъ русской исторіи; община—есть та первоначальная ячейка, которая, предшествуя государству, служила какъ бы первообразомъ государственнаго организма. Но въ разныя времена народной жизни, подъ вліяніемъ общихъ народно-хозяйственныхъ условій и государственнаго строя, значеніе общины и ея характеръ существенно мѣнялись. Проявляющіяся въ общинной жизни бытовыя привычки народа представляются, конечно, весьма устойчивыми, но эта устойчивость не есть еще неподвижность, такъ какъ жизнь есть вѣчное, безостановочное движеніе впередъ. Въ основѣ общинной жизни всегда лежала извѣстная совокупность общихъ хозяйственныхъ интересовъ; поэтому все, что такъ или иначе касалось этихъ интересовъ, касалось въ то же время и основъ общинной жизни. Чѣмъ далѣе переносимся мы въ глубь времени, чѣмъ ближе изучаемъ условія хозяйственной жизни русскаго народа въ предъидущихъ столѣтіяхъ, тѣмъ большее обнаруживается несовпаденіе понятій общины въ прежнія эпохи и въ новѣйшее время. Русская земельная община въ современномъ ея значеніи, въ смыслѣ союза лицъ, связанныхъ общимъ землепользованіемъ и круговою отвѣтственностью въ исправномъ отбываніи повинностей, эта община есть несомнѣнно продуктъ новыхъ условій жизни русскаго народа: хозяйственное и государственное значеніе этой общины не то, что было въ болѣе раннія эпохи.

Значеніе сельской крестьянской общины въ каждую данную эпоху опредѣляется главнѣйше двумя моментами: отношеніемъ крестьянина къ землѣ и объемомъ хозяйственно-административныхъ задачъ, возложенныхъ на общину или признаваемыхъ за нею государствомъ.

Разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, сельская община XVI и XVII столѣтій представляла слѣдующія особенности. Въ XVI столѣтіи крестьяне были людьми свободными, составляли хотя и низпій, но самостоятельный классъ русскаго общества. Крестьянами признавались только домохозяева, имѣвшіе землю съ обязанностью тянуть

тягло, т. е. платить подати и отправлять повинности по мірской раскладкѣ. Въ качествѣ полноправнаго члена русскаго общества, крестьянинъ пользовался свободою перехода съ одной земли на другую и, выполнивъ свои обязанности передъ общиною, могъ подняться на высшія ступени соціального строя — сдѣлаться купцомъ, духовнымъ, служилымъ человѣкомъ у князя.

Каждый крестьянинъ долженъ былъ непременно состоять членомъ какой-либо крестьянской общины.

Полная собственность на землю, бывшая въ XVI столѣтіи явленіемъ довольно распространеннымъ, не отстраняла крестьянина отъ общины, не освобождала его отъ общинныхъ обязанностей. Сидя на своей землѣ, крестьянинъ былъ все же тяглымъ человѣкомъ — платилъ подати, отбывалъ повинности по мірской раскладкѣ, наравнѣ съ другими членами общины.

На владѣльческой землѣ крестьянинъ былъ хозяиномъ своего участка и, безъ отношенія къ землевладѣльцу, отбывалъ съ этого участка всѣ общинные платежи и повинности. Крестьяне даже на владѣльческой землѣ пользовались правомъ продавать свои участки и мѣняться ими по собственному усмотрѣнію, съ обязанностью лишь увѣдомить о томъ землевладѣльца или его прикащика ¹⁾.

И на общинной землѣ, такъ или иначе приобрѣтенной, крестьянинъ былъ полнымъ хозяиномъ-собственникомъ: могъ распорядиться ею по своему усмотрѣнію — заложить, подарить и продать. Даже на судѣ, въ тяжбѣ съ посторонними, не волостными людьми, крестьянинъ, безо всякаго участія общины, защищать общинный участокъ, какъ свой собственный.

Такое отношеніе къ землѣ станетъ понятнымъ, если принять во вниманіе, что въ ту эпоху, при обиліи земель, онѣ сами по себѣ не представляли цѣнности. Цѣнность земля приобрѣтала лишь послѣ того, какъ на нее затраченъ былъ трудъ человѣка. Поэтому всякій, кто распахавъ землю, сдѣлавъ ее годною къ обработкѣ, завелъ на ней хозяйство, получалъ въ отношеніи этой земли права, весьма близкія къ правамъ собственника, и передавалъ эти права своему потомству. Крестьянинъ, савившійся на землю общинную или владѣльческую, обязывался, помимо несенія тягла, извѣстными повинностями въ отношеніи частнаго владѣльца или общины, но эти повинности имѣли не столько характеръ земельной ренты, сколько возмездія за ту охрану, за то покровительство, которое онъ получалъ отъ нихъ и которое имѣло особенную цѣну въ ту эпоху.

Конечно, община или землевладѣлецъ могли сослать неисправнаго крестьянина съ земли, но они не имѣли права убавить или при-

¹⁾ А. А. Э., I, 258 (1561 г.): «вольню вамъ межъ себя дворы и землями мѣнять и продавати, доложу прикащика».

бавить участокъ земли противъ порядной записи; пока крестьянинъ исправно тянулъ съ земли, составлявшей его тягольную долю, занятый имъ участокъ оставался неприкосновеннымъ.

При такихъ условіяхъ не было, да и не могло быть существеннаго различія между владѣльческими общинами и черными. Пользуясь правомъ свободнаго передвиженія, крестьянинъ оставался на владѣльческой землѣ лишь до тѣхъ поръ, пока находилъ это для себя выгоднымъ; а владѣлецъ, заинтересованный въ удержаніи крестьянина у себя, достигалъ этого цѣною льготъ и признанія за крестьянами права на самостоятельность въ дѣлѣ внутренняго управленія. Во главѣ общины, владѣльческой, какъ и черной, стояло начальство, ею же поставленное — старосты и сотскіе. Эти выборные люди общины служатъ посредниками во всѣхъ сношеніяхъ между крестьянами, съ одной стороны, правительствомъ и владѣльцами — съ другой; въ глазахъ правительства эти старосты и сотскіе имѣли гораздо большее административное значеніе, нежели самые ихъ владѣльцы, внѣ службы не представлявшіе для правительства никакого интереса.

При указанномъ порядкѣ землевладѣнія, не могло быть рѣчи въ ту эпоху объ общинномъ пользованіи пахотными землями, не было и передѣловъ. Тяглые люди владѣли участками каждый въ отдѣльности, общинная дѣятельность въ отношеніи земли ограничивалась призваніемъ крестьянъ на пустые участки, для облегченія остальнымъ членамъ общины уплаты государственныхъ повинностей. Общинные передѣлы земель въ то время не были извѣстны ¹⁾, а встрѣчающееся въ актахъ выраженіе: „мірская волостная ровность“ означало собою не передѣлы земель, но податную ровность, т. е. опредѣленіе пропорціональной доли платежей каждаго лица въ зависимости отъ послѣдовавшихъ измѣненій въ условіяхъ хозяйственнаго быта. Передѣлы не могли имѣть мѣста и по особымъ условіямъ заселенія. Крестьянскіе дворы представлялись разбросанными; большихъ селъ не было; деревни со-

¹⁾ Къ этому выводу приходятъ столь внимательные изслѣдователи *по первоисточникамъ* русской народно-хозяйственной старины, какъ Милюковъ. Но, отрицая существованіе общихъ передѣловъ, Милюковъ какъ бы допускаетъ частные. Онъ говоритъ: «передѣлы несомнѣнно существуютъ на сѣверѣ, но, во 1-хъ, только въ предѣлахъ одной деревни, во 2-хъ, при такихъ обстоятельствахъ, которыми они и объясняются ближайшимъ образомъ: или какъ родовой раздѣлъ, или какъ выполненіе условія, оговореннаго при компанейской покупкѣ земли «складниками», во всякомъ случаѣ «по крѣпостямъ», т. е. по письменному договору между контрагентами». (Спорные вопросы финансовой исторіи московскаго государства. Москва, 1892; стр. 27).

Тутъ очевидное недоразумѣніе. Случаи, указанные Милюковымъ, не могутъ быть признаны даже частными передѣлами, такъ какъ всѣ они являются послѣдствіемъ частно-правовыхъ обязательствъ, безъ какого бы то ни было участія общины, какъ таковой.

стояли изъ 3, 4, рѣдко изъ большаго числа дворовъ; въ селахъ же, особенно тамъ, гдѣ находились церкви, бывало дворовъ до 8 и больше¹⁾.

„Поземельное владѣніе, справедливо замѣчаетъ Чичеринъ, было для общинъ дѣломъ второстепеннымъ; существеннымъ дѣломъ было тягло, составлявшее основу общинной жизни древней Россіи“²⁾.

На первыхъ ступеняхъ развитія государственной жизни роль общины велика. Замѣняя какъ бы отсутствующую власть государственную, община пользуется правами, несетъ на себѣ всѣ обязанности этой власти: творить судъ и расправу, заботится объ общественной безопасности и о благоустройствѣ. Но съ теченіемъ времени, съ развитіемъ и усиленіемъ государственныхъ началъ въ народной жизни, роль и значеніе общины существенно мѣняются. Права, принадлежавшія ей прежде, но составлявшія по существу принадлежность государственнаго верховенства, переходятъ къ государству. На первыхъ порахъ государство беретъ на себя отправленіе суда, засимъ заботы объ общественной безопасности. Но попеченіе о благоустройствѣ, объ удовлетвореніи чисто мѣстныхъ, преимущественно хозяйственныхъ интересовъ, тѣхъ интересовъ, которые неизбѣжно вытекаютъ изъ совмѣстнаго пребыванія данной группы населенія на одной и той же небольшой территоріи, среди однихъ и тѣхъ же хозяйственныхъ условий,—эти заботы всегда остаются на общинѣ: въ этомъ отношеніи она незамѣнима. Тутъ нѣтъ уже соперничества между общиною и государствомъ: дѣятельность мѣстныхъ союзовъ въ указанномъ направленіи есть необходимое предположеніе, естественное дополненіе однородной дѣятельности государства.

Чѣмъ выше хозяйственное развитіе даннаго народа, чѣмъ прочнѣе въ немъ начала гражданственности, чѣмъ большіе успѣхи дѣлаетъ народное образованіе, тѣмъ большее значеніе приобрѣтаетъ дѣятельность общины въ интересахъ мѣстнаго благосостоянія и благоустройства.

Такимъ вообще представляется историческій ходъ обособленія задачъ, лежащихъ въ основѣ дѣятельности мѣстныхъ союзовъ и государственной власти. Но у насъ этотъ процессъ нѣсколько осложнился и задержался въ своемъ развитіи, подъ вліяніемъ обстоятельствъ,

¹⁾ Доп. къ А. И., I, 160: «Въ Старой Русѣ въ дозорныхъ книгахъ Олексѣя Безобразова съ товарищи въ 115 году написано: Погостъ Славятинской, а къ погосту 2 села, а на погостѣ и въ селахъ 3 церкви, да 3 двора поповыхъ... да 2 двора церковныхъ дьячковыхъ, да 2 двора понамаревыхъ, да къ погосту жъ и къ селомъ 75 деревень, 3 починка живущихъ, да къ тѣмъ же деревнямъ 4 пустоши, пашутъ изъ обежнаго оброку, да 18 деревень, да 6 починковъ пустыхъ, да 51 пустошь, да 2 селища; а на погостѣ и въ селѣхъ и въ деревняхъ и въ починкахъ крестьянскихъ живущихъ 379 дворовъ, а въ нихъ 444 человекъ крестьянъ и ихъ братья, и дѣтей, и племянниковъ, и подсуздниковъ, да бобыль»... А. И., III, 149: «а прихожанъ де у той церкви (Николаи Чудотворца въ Нырбскомъ погостѣ) всего 6 человекъ и тѣ де люди молодчіе»... Ср. А. Юр., 228.

²⁾ «Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ». Москва, 1856; стр. 525.

почва для которыхъ подготовлялась особыми условіями образованія и роста московскаго государства.

Въ разсматриваемую эпоху государственное начало проникло во всѣ сферы жизни русскаго народа.

Община не имѣла уже правъ, которыя находились бы въ противорѣчій съ правами государственной власти, если не считать такимъ правомъ принятіе мѣръ по искорененію лихихъ людей — воровъ и разбойниковъ. Удовлетвореніе мѣстныхъ, хозяйственныхъ интересовъ, заботы о мѣстномъ благоустройствѣ, — все это, при крайне низкомъ уровнѣ благосостоянія и культурнаго развитія крестьянской массы того времени, при слабомъ распространеніи въ народѣ образованія, при первобытныхъ потребностяхъ даже высшихъ общественныхъ классовъ, не могло бы заполнить собою тотъ пробѣлъ, который образовался въ дѣятельности общины съ послѣдовавшимъ переходомъ къ органамъ государственной власти правъ и обязанностей, нѣкогда ей принадлежавшихъ.

Но такого пробѣла въ дѣйствительности не было. Въ трудной работѣ по собиранію земли, требовавшей крайняго напряженія силъ народа, московскіе цари не могли обойтись безъ содѣйствія общины. Они ее вполне использовали для своихъ цѣлей.

Каждый шагъ возвышенія Москвы, каждый новый успѣхъ въ дѣлѣ безмѣрной централизаціи московскаго государства сопровождался наложеніемъ новыхъ повинностей на общины. Служба государственному дѣлу, община перестала жить для себя: она жила только для государства; у нея не было ни своихъ интересовъ, ни правъ: были только обязанности или, правильнѣе, одна обязанность — нести тягло. Элементъ повинности, тягла получаетъ всеобъемлющее развитіе и приводитъ къ закрѣпощенію русскаго крестьянства, задержавшему надолго успѣхи всего русскаго народа на пути гражданственности и культуры.

Всѣ правительственныя мѣропріятія разсматриваемой эпохи, все, что болѣе или менѣе относилось до общиннаго самоуправленія, въ смыслѣ расширенія или суженія правъ общины, — все это имѣло исходною своею точкою фискальныя соображенія правительства.

Узаконенія Ивана IV справедливо признаются весьма благопріятными для крестьянскаго самоуправления: ими возстановлялось упавшее мѣстами значеніе выборныхъ должностныхъ лицъ общины, а правительственные чины — намѣстники и волостели отстранялись отъ вмѣшательства во внутренніе общинные распорядки. Однако, эта послѣдняя мѣра, какъ и многія другія мѣропріятія московскаго правительства, не была возведена въ общее правило; поэтому не только при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, но и позднѣе встрѣчаются ходатайства общинъ о дарованіи имъ права управляться своими выборными властями.

Въ этихъ „реформахъ“ Ивана IV многіе изслѣдователи усматриваютъ какъ бы новую эру въ жизни русскои общины; Бѣляевъ, въ

своей прекрасной работѣ, также придаетъ имъ огромное значеніе. „Законъ, говоритъ Бѣляевъ, передать въ полное распоряженіе общинъ — управляться ли имъ самимъ собою чрезъ своихъ выборныхъ начальниковъ, надъ которыми они имѣли право жизни и смерти; или просить правителей у государя, которые уже не зависѣли отъ общинъ“.

Къ этому Бѣляевъ прибавляетъ: „здѣсь не мѣсто искать причинъ, побудившихъ царя Ивана Васильевича къ такому направленію“¹⁾.

Но этихъ причинъ нѣтъ нужды доискиваться: онѣ указаны самимъ же грознымъ царемъ въ уставной грамотѣ Устюжскаго уѣзда усецкихъ и заецкихъ волостей крестьянамъ²⁾. Грамота эта, относящаяся къ октябрю 1555 г., представляетъ собою дословное повтореніе такой же грамоты переславскимъ рыболовамъ, данной въ августѣ того же года³⁾. Откровенно и образно, грозный царь такъ объясняетъ причины, побудившія его даровать крестьянамъ право самоуправленія.

„Что напередъ сего жаловали есмя боаръ своихъ и князей и дѣтей боарскихъ, города и волости давали имъ въ кормленья, и намъ отъ крестьянъ челобитья великіе и доука безпрестанная, что намѣстники наши и волостели и праветчики и ихъ пошлинныя люди, сверхъ нашего жалованья указу, чинятъ имъ продажи и убытки великіе; а отъ намѣстниковъ и отъ волостелей и отъ праветчиковъ и отъ ихъ пошлинныхъ людей намъ доука и челобитья многіе, что имъ посадскіе и волостные люди подѣ судъ и на поруки не даются, и кормовъ имъ не платятъ, и ихъ бьютъ: и въ томъ межъ ихъ поклепы и тяжба великіе, *да отъ того на посадѣхъ многіе крестьянскіе дворы и въ уѣздѣхъ деревни и дворы позапустѣли и наши дани и оброки сходятся не сполна*“.

„И мы, жалуючи крестьянство, для тѣхъ великихъ продажъ и убытковъ намѣстниковъ и волостелей и праветчиковъ отъ городовъ и отъ волостей отставили; а за намѣстничьи и за волостелины и за праветчиковы доходы и за присудъ и за ихъ пошлинныхъ людей пошліны велѣли есмя посадскихъ и волостныхъ крестьянъ пооброчити денгами... и велѣли есмя во всѣхъ городѣхъ и въ станѣхъ и въ волостяхъ *учинити старость излюбленныхъ, кому межъ крестьянъ управа чинити и намѣстничьи и волостелины и праветчиковы доходы собирать и къ намъ на срокъ привозити, которыхъ себѣ крестьяне межъ себя излюбить и выберутъ всею землею, отъ которыхъ бы имъ продажъ и убытковъ не было, и разсудити бы ихъ умѣли въ правду безпосупльно и безволочно, и за намѣстничь бы доходъ оброкъ собрати умѣли и къ нашей бы казнѣ на срокъ привозили безъ недобору*... А діаки наши тотъ

¹⁾ „Крестьяне на Руси“. Москва, 1879; стр. 70.

²⁾ А. А. Э., I, 243.

³⁾ Тамъ же, 242.